

боты о них, из сознания своей ответственности за них с логической необходимостью вытекает признание своей ответственности за «царство кесаря» и своего долга по отношению к нему.

Однако, и в служении «царству кесаря», «в качестве гражданина своего отечества», в сознании христианина не должно происходить нарушения иерархии ценностей и «царство не от мира сего» не должно уступать своего места «царству кесаря» — каким-нибудь социалистическим или марксистским переделам, либо культу обожествленного государства, как верховной ценности. Последним я вовсе не намереваюсь приписать значение «родины», как «ценности обязывающей». Если родина не должна быть для нас ценностью верховной, т. е. наивысшей и самоудовлетворяющей, то, все же, она должна оставаться для нас «ценностью высшего порядка», которую обречь на погибель — ни по собственному, ни вообще ни по какому разумению — мы не имеем права; и ни от признания ценности ее существования, ни от служения ее основным жизненным интересам отказываться ни при каких обстоятельствах мы не должны: не о всем нам дано судить; об единичном человеке нам сказано: «не судите, да не судимы будете»; имеем ли мы право вынести приговор, что существование нашей родины в веках ее будущей судьбы никакой ценности собой не представляет, и отказаться от ее защиты и обеспечения ее будущего? («Не судите, да не судимы будете», — само собою разумеется, это относится не к тому формальному суду, каким государство судит правонарушителя и в котором, при более глубоком понимании, осуждается не «личность человеческая», а правонарушение, хотя совершивший его и обязан нести кару).

Отмечу в итоге: я отлично понимаю, что указал здесь, хотя и с древних времен намеченные, но редкие и слаборазличимые «вехи»; что в реальной жизненной практике отыскивать путь, ими определяемый, отнюдь не так уж легко; что неизбежность признания «царства кесаря» «ценностью обязывающей», за которую мы несем ответственность и которой мы должны служить, в действительной жизни ставит перед христианской совестью и сознанием задачи и проблемы беспредельной сложности и трудности, — они никогда не дадут успокоиться людям, из них родятся «спроклитые вопросы» и неустрашимые, трагические, кровавые противоречия, и на страстнее к их разрешению мы только и можем смотреть, как на заданное, данное человечеству свыше для его земного пути.

С: П.

В. И. АЛЕКСИНСКИЙ.

„Новый Град“

Я не собираюсь давать ни рецензии, ни критической заметки о журнале «Новый Град», а намереваюсь возможно объективнее изложить идеи представляемого им движения, выявить сущность его направления.

«Новоградцы» исходят из положения, что старый мир сгнил: он раздираем внутренними противоречиями, жить в нем становится невозможно, он в своем настоящем виде обречен на гибель; но духовное обновление может его вывести из тупика петхости и злобы, в которых он застрял, и спасти его. Не надо поддаваться унынию и готовиться к гибели, а надо думать о по-

вом обществе. Нужно строить новый мир — Новый Град. Строить его надо на старой тысячелетней культуре, но новыми людьми, с пореволюционным мировоззрением, и по новому плану, считаясь со всеми завоеваниями революции.

Новоградцы считают, что в политической борьбе за освобождение России программа и тактика без нового целостного мирозерцания ничего не стоят; надо господствующему мирозерцанию противопоставить свое мирозерцание, современным властителям — нового человека. Главным вопросом для строительства «Нового Града» является вопрос о новом человеке. «Проповедь нового человека означает проповедь вечно во Христе обновляемого человека». В основе этого нового строительства должно быть христианство. Мир зашел в тупик главным образом из-за отсутствия общего языка, а общий язык может быть найден только людьми религиозного духа.

Современное христианство развивает большую социальную энергию, стремится к объединению и организации разбитого мира.

Социальный вопрос доминирует над думами и жизнью нашего поколения. Это — вопрос и справедливости, и существования. Надо покончить и с эксплуатацией, и с борьбой классов. «Новый Град» утверждает, что в хозяйственном строю надо ввести разумность, но не вводить абсолютного государственного принуждения, т. е. необходимо сохранить свободу и творчество в хозяйственном процессе; но труд, а не капитал, должен иметь примат и почетное место.

Новоградцы абсолютно не примиримы ни к коммунизму, ни к фашизму, ни к какому либо вообще тоталитаризму. Свобода личности, свобода ее духа, ее вечная правда являются основой для «Н. Г.». Человек создан по образу и подобию божьему, в каждом человеке есть крупица божественного.

Движение, мною описываемое, глубоко патриотично, самые заветные мысли его участников направлены к России. Статьи о России, изучение России наполняют все тома «Н. Г.». Новоградцы считают, что основная задача эмиграции, это — работа над возвращением в русской душе и русском сознании образа будущей России.

«Н. Г.» стоит на истинно русской и глубоко оборонческой позиции — оборонческой по отношению к России, а не к сталинскому режиму, абсолютно не приемлемому для него, как для патриотического движения.

«Свобода личности и правда общезначима, национальное и вселенское начала — где могут они быть привилегиями, внутренние и органические, вне христианства?» написано в передовице первого номера «Н. Г.».

Как я уже заметил, христианство лежит в основе «Н. Г.», ибо христианство выше социальной правды, оно «утверждает равенство целого и части — личности и мира — Церкви и человеческой души». Но новоградцы не связывают своих последователей никакой исповедной формулой, они ищут только известного духовного единства: «Мы спрашиваем не о том, во что человек верует, а какого он духа».

«Н. Г.» проповедует идею христианской культуры и политики, но явля-

есть сторонником отделения Церкви от государства. «Н. Г.» стоит за христианскую правду, которая есть свобода. Христианская человеческая мораль должна вести государство, общество... «Христиане по духу» должны строить общество, но должны строить его по христиански — изнутри, а не в каком случае ни Церковь управлять государством, ни государство Церковью. Церковь не должна ни требовать, ни получать от государства никаких политических полномочий, и, тем более, государство не должно насыловать общество во имя клерикальной идеологии. Примером для «Н. Г.» служит первобытное христианство.

Есть два течения христианства.

1. Христианство аскетическое, отталкивающееся от мира, уходящее в пустынь, считающее что надо всецело замкнуться, уйти к Богу, забыть земной мир, думать и заботиться о своем личном спасении, личном совершенстве. Тут, по мнению новгородцев, несомненно недопустимый эгоизм.

2. Христианство «земное» (если допустимо такое выражение), входящее в земной мир, стремящееся его переустроить, приобщить его к совершенству, стремящееся служить миру, вести его к идеалу, приблизиться к нему насколько возможно (идеал никогда не достигим). Это есть стремление спасти всем обществом, а не только лично. Это христианство оптимистическое, оно несет христову веру, надежду, любовь; оно служит живому человеку, как служит ему Христос. Христианское смирение не должно превращаться в конформизм, т. к. христианин по духу должен всегда стремиться на земле к большей справедливости, к большей правде.

Новгородцы идут с этим христианством, их цель построить земной Новый Град, имеющий своим недостижимым идеалом — Небесный Град.

Социальная сторона христианства, несомненно, социалистическая (не марксистская, конечно), а не капиталистическая. Христианство, ведь, всегда защищало труд, считая его основой общежития и проповедывало трудовой солидаризм, а собственность защищало очень ограничено, не признавая за ней священного права, как признает капитализм. Старые общества и государства, именовавшие себя христианскими, не были ими по духу, они только внешне были христианскими — христианскими по догматам, ритуальности и т. д., но не по существу, т. к. вся их реальность противоречила Евангельскому Учению: они проявляли бессовестный конформизм, освящали массу неправды, как рабство, деспотию, капитализм с эксплуатацией человека человеком, с отрицанием свободы мысли и т. д. Получилось то, что они же отдавали в монополию атеистам искание социальной правды. Все это противно христианскому духу. Христианство должно бороться с капитализмом, потому что неограниченная собственность ни чем не оправдана и делается орудием эксплуатации бедных и слабых, которых то и должно защищать христианство. Для христианской совести допустима только собственность трудовая, не могущая стать орудием эксплуатации ближних. Человеческая личность не должна быть средством и орудием для могущества государства, для процветания экономики, для службы классу или расе, она не

должна эксплуатироваться и не иметь возможности свободно и достойно жить.

Капиталистическое общество, создающее безбожное и бесчеловечное отношение человека к человеку и превращающее людей в товар, не совместимо с христианской совестью.

«Перед христианской совестью и перед всеми пережитыми муками, было бы преступлением восстанавливать в России капитализм.»

Движение «Нового Града», несомненно, социалистическое. Можно сказать, что «Н. Г.», это — движение христианское-демократическое-социалистическое.

Проповедь «Н. Г.», это — христианская демократия, христианский социализм; только, может быть, надо приставить к этим терминам частицы «нео». Строй, к которому стремятся новоградцы, это — авторитарная, христианская, социальная демократия. Они считают, что демократию можно защищать и не демократическими средствами. К власти можно прийти и не демократическими путями, но нельзя оставаться у власти против воли честно и свободно опрошенного народа. «Н. Г.» не стремится, чтобы народная воля осуществлялась парламентаризмом. Для России, да и вообще в настоящий период, власть необходима твердая. (Христианство не враждебно сильной власти — для христианства важно, чтобы наилучше воплощалась и защищалась истина и справедливость в обществе и чтобы личность была свободна).

Этот авторитарный строй должен быть строем свободы; должно быть «безоговорочное признание абсолютного значения всякой человеческой личности, из чего с очевидностью вытекает, что в принципе допустимо лишь огосударствление того, чем человек владеет, но не того, что он есть». Должны быть максимально защищены естественные права человека и гражданина — свобода слова, свобода совести, свобода труда, социальная справедливость и т. д. Старая же демократия предала истинную свободу ради только политической свободы. О христианском гуманистическом понимании свободы в формальной демократии нет и речи.

«Государственный строй должен быть персоналистичен и соборен».

Персонализм утверждает полноту личности человека, тогда как индивидуализм только его индивидуальность. Соборность будет только там, где общество состоит из личностей. Из индивидуумов же состоит только бездушный коллектив. Личность человека должна быть абсолютно свободна. Никто не должен посягать на человеческое Я. Личность — духовная личность человека — должна быть абсолютно признана.

Соборность есть общество духовно-свободных личностей. Она есть органическое равновесие личности и общества. Идеал соборности — любовь, как и идеал семьи. Понятие свободы в либерально-капиталистическом обществе искажено, т. е. сущность свободы заключается не в правах индивидуального самоуправления, а в творческом сращении различных друг с другом личностей в жизненную, многоступенную (хозяйство, государство, культура, Церковь) соборную общину.» «Персонализм требует, чтобы всякая человеческая личность осуществлялась не по своему классовому положению в обществе, а по своим достоинствам, по тому, что она

есть, а не по тому, что у нее есть.» «Персонализм не думает, что личность образуется и формируется исключительно социальной средой, и потому именно он может быть мирозерцанием и символикой в борьбе за бесклассовое, подлинно человеческое общество». «Христианство ставит человеческую личность в ы ш е царств мира, выше государств, наций, обществ, коллективов, классов, цивилизаций...» «Христианский персонализм в своей социальной прозании неизбежно должен осуждать классовое общество, как противоречащее достоинству человеческой личности...»

Эти приведенные мной выдержки достаточно ясно, по моему, определяют новгородское понимание и толкование персонализма и соборности.

**

«Н. Г.» не подразумевает под демократией конкретный строй западной Европы XIX века, а вечные начала демократии, на которых и должна строиться демократия будущего. «Н. Г.» проповедует: христианские истоки демократии. «Дух христианской политики есть дух свободы, дух освобождения через истину.» Человеческая личность принадлежит Богу и никому более, отсюда следует беспрекословное признание абсолютной ценности человеческой личности, что и является основой демократии. «Человек Нового Града» духовно чужд западно-европейскому демократу, потому что западно-европейский демократ не духовен, он всегда рационалист, мещанин, эгоист... Мещанство не есть демократия. Корни демократии религиозны, а корни мещанства рационалистичны. Основной принцип демократии, это — принцип защиты свободы мнения для общего искания истины. Западно-европейскому «демократу-мещанину» нужна свобода для лучшего материального устройства с в о е й жизни.

«Н. Г.» не является сторонником всех форм демократического самоуправления.

«Человек Нового Града» не «либерал». Отстаивая полную свободу личности, «Н. Г.» не сторонник экономической свободы. Христианская свобода совести должна быть очищена от сомнительных примесей буржуазной свободы «экономического человека».

«Н. Г.» — противник целого ряда демократических форм государства, считая их рационалистическими искажениями истинной демократии. Атомизм демократии, вера только в подсчет голосов, посредничество партий, искажающих волю избирателей, голосование не за свой идеал, а за партию, несущую наименьшее зло, парламент, который очень часто не отвечает воле страны, депутаты, связанные своей программой, и т. д. — все это — явления отрицательные.

Вечное недоверие к власти, постоянное урезывание ее действий, постоянная смена правительства, вследствие чего у правительства нет ни времени, ни свободы действовать ни для одной широкой и глубокой реформы, — все это убивает жизнеспособность современной демократии.

«Н. Г.» противопоставляет этой демократии следующие положения. Выборы должны быть двухсторонними: народ голосует не прямо, отдавая свою волю партиям, а через посредство общественных органов (корпораций, синдикатов), составляющих социальное тело государства; при выборах будущие решения избирающихся никак и ни под какой формой не предопределяются и не связываются, т. к. эти решения должны явиться резуль-

татом последующей общей работы: народный избранник должен иметь возможность переубеждаться, оспариваться от своих прежних идей и предрассудков, если он в них разуверился, а не быть связанным программой своей партии, как это существует теперь; выборы должны быть основаны на оценке личных качеств и основных идей кандидата, отчето и должны происходить через узкие группы (где лучше всего определяется личная годность человека), объединенные общей жизнью и работой, т. е. через профессиональные организации. Депутат не должен принадлежать ни к какой партии. Партии же могут существовать лишь как лиги для пропаганды своих идей.

Несомненно, эти пожелания, касающиеся депутатов и партий — очень симпатичны, но мне кажется, что они также весьма утопичны; а ведь «Н. Г.» утверждает, что он антиутопичен, т. к. проникнут христианским духом, а христианство антиутопично.

Развивая далее свои принципы демократического государства, «Н. Г.» настаивает на твердой власти: власть получает полномочия для проведения выбранной общей широкой программы на продолжительный срок и остается, на этот срок, независимой от законодательных органов.

«Н. Г.» считает наилучшей формой новой демократии — корпоративную или синдикальную. Для предотвращения некоторых опасностей корпоративного строя проводится дуализм представительства: одна палата избирается на корпоративном начале, другая — на территориальном.

Как я писал выше, новгородцы — социалисты, что вполне естественно, т. к. истинный социализм более всего отвечает христианской морали; также вполне естественно, что новгородский социализм демократичен. «Н. Г.» рассматривает социализм, как сочетание социальной демократии с хозяйственной плановостью, давая ему и иное имя (по моему, весьма не удачное) — трудовое общество и «трудовизм».

В этом трудовом обществе работники в широком смысле слова должны иметь господствующее положение. В нем должны повышаться заработки работника и понижаться прибыли предпринимателя. Прибыль должна расцениваться, как вознаграждение за руководство хозяйственной организацией.

Экономическое равенство не является целью ни социализма, ни трудовизма; должно быть только сближение социальных полюсов до возможности создания некоего общего бытового стиля. В хозяйстве рабочие должны принять ответственность в ведении предприятия. Администрация становится конституционной. Предприятия могут быть разные — государственные, муниципальные, кооперативные и частные.

Несколько слов о новгородской хозяйственной программе будущей России.

В сельском хозяйстве земля должна быть прочно закреплена за крестьянами; форма пользования землей может быть общинной или индивидуальной по свободному выбору крестьян. Государство должно иметь контроль и право вмешиваться в земельные отношения. Чтобы крестьянство не попало в руки частного капитала, да еще иностранного, государство должно оставить за собой право верховной собственности на землю. Государство оставит за собой также все жизнеспособные совхозы (государственные именные).

В индустрии — постепенная денационализация части государственных

промышленности; но государство оставляет за собой все ключевые отрасли хозяйства. Денационализация будет совершаться по мере укрепления общественно-кооперативных и частных предприятий. И так, при послебольшевистском строе будут существовать предприятия как государственные, так и кооперативные и частные. Послебольшевистский режим даст свободу частной инициативе в розничной торговле, ремесле и мелкой промышленности. Крупная промышленность остается государственной или общественной и вся хозяйственная жизнь будет вестись по общему плану и под руководством государства: «Послебольшевистское хозяйство не будет советско-крепостным, но и не будет свободно-капиталистическим.»

Все мирозерцание «Н. Г.», как я уже сказал выше, противоречит восстановлению капиталистического строя; но кроме того, «Н. Г.» считает (вполне справедливо) практически невозможным это восстановление в России: «хотим мы этого или не хотим, но капиталистическая реставрация в России не возможна».

Как видно из всего вышесказанного, новгородцы желают установления в России авторитарно-демократического подлинно человеколюбивого строя.

Этот строй должен быть очень твердым, авторитарным; власть должна быть очень сильной. На первое же время, для организации Русской свободы необходим даже такой нео-демократический строй, который будет ближе к диктатуре, чем к парламентарной демократии. Новгородцы утверждают, что будущий правовой строй России должен иметь первой задачей — заботу о защите свободы личности, поэтому лучше если этот будущий строй будет больше похож на диктатуру, но будет проводить демократические идеи свободы и защиты свободы личности, чем на такой демократический строй, который мог бы попортить эти принципы.

«Н. Г.» защищает целостность Русской империи и ее великодержавности, но великодержавность в будущей России должна быть связана с федерализмом. Россия должна быть федеральна, и никакая народность не должна быть в ней ниже другой. К сожалению вопрос о федеральном устройстве Русской империи на страницах «Н. Г.» не обсуждается.

В последней тринадцатой книжке «Н. Г.» проф. Н. Н. Алексеев дает в очень интересной статье набросок будущего государственного устройства России, который в некоторых пунктах не совпадает с идеями лидеров «Н. Г.». В виду этого я не решаюсь его считать взглядом на будущий строй России, разделяемым всем коллективом «Нового Града». Впрочем, в «Н. Г.», как правило, часто встречаются статьи не сходные во многом по своим взглядам, но имеющие, тем не менее, общий дух и направленность; это, несомненно, очень увеличивает интерес журнала. Так, например, автор вышеупомянутой статьи — противник корпоративной системы и сторонник советской. Но по основному направлению и почти по всем остальным вопросам, я думаю, что его статья отвечает взглядам большинства сотрудников «Н. Г.».

Размеры статьи не позволяют мне подробно остановиться на последнем номере «Н. Г.»; поэтому я просто рекомендую прочесть его всем интересующимся. Это самый обширный и один из наиболее интересных но-

нерои. Особенно советую обратить внимание на статьи: «О Свободе» Ф. А. Степуна, и «Государственный строй будущей России» проф. Н. Н. Алексеева.

Я базировался в своем разборе, главным образом, на статьях лидеров «Н. Г.» — И. И. Бунакова, проф. Ф. А. Степуна и проф. Г. П. Федотова, а также проф. Н. Бердяева. К сожалению, за недостатком места, я не мог остановиться на очень интересных статьях проф. С. Булгакова (в частности, — «О душе социализма»), экономических статьях Гессена, а также на статьях других сотрудников «Н. Г.».

Движение «Новый Град» мне весьма близко по своему направлению, в особенности своей духовной стороной, своей оптимистичностью, своими стремлениями в будущее и своими социальными и экономическими взглядами. Но не все, по моему, правильно в идеях «Н. Г.». Я не могу согласиться во всем с политическими идеями этого движения. В частности, не могу никак согласиться с отрицательным отношением многих сотрудников «Н. Г.», ко всему монархическому. Именно социальная монархия внесла бы порядок в политическое построение «Н. Г.». Установление социальной монархии дало бы крепкую базу для всех принципиальных установок «Н. Г.». наилучшее осуществление их возможно при социально-монархическом строе, который бы и примирил противоречия авторитарного и демократического начал в государстве. Я думаю, что без социальной монархии в будущей России идеи новоградцев едва ли осуществимы.

Весьма обидно, что это молодое, прекрасное движение не избавилось от предрассудков старой интеллигенции, отталкивающей даже просто от слова — монархия. Я искренно надеюсь, что дальнейшее развитие революционного сознания сотрудников «Н. Г.» приведет их к приятию социальной монархии, и что тогда возникнет поистине большое духовное, реальное движение.

Несомненно, что мировоззрение на много важнее программы и тактики; программа и тактика без мировоззрения ничто, но было бы весьма желательно, чтобы «Н. Г.» выпустил бы общую от всего коллектива «Н. Г.» основную программу для будущей России, которую он хочет строить. Эта программа, конечно, может и должна в деталях меняться в зависимости от реальных условий, но все же, как идеал, к которому стремиться, основные пункты этой программы должны существовать. Я не теряю надежды, что такую программу увижу.

Относясь к «Н. Г.», как родственному и весьма близкому к моим личным взглядам движению, желаю ему дальнейшего успешного развития.

В. И. Алексинский.